

ОЯР БУШ

ОНОМАСТИКА КУРШЕЙ

Одним из актуальнейших вопросов балтистики в настоящее время является вопрос о месте куршского языка среди прочих балтийских языков. В поисках ответа необходимо не только идентифицировать и включить в научный обиход новый куршский языковый материал, но и просмотреть, проверить, а в случае необходимости и переосмыслить тот материал, который уже был неоднократно подвергнут лингвистическому анализу.

В этой связи особое внимание, естественно, следует обратить на монографию В. Кипарского „Die Kurenfrage“ (KF¹). Эта книга, как известно, до сих пор остается единственным монографическим исследованием куршского языка. Однако не со всеми выводами В. Кипарского можно безоговорочно согласиться, для этого известного языковеда главным полем деятельности все-таки была финно-угристика (и, конечно, славистика), а не балтистика, к тому же со времени выхода в свет данного исследования прошло уже без малого полстолетия, и за это время зафиксировано, систематизировано и исследовано много нового (в частности, топонимического) материала².

В монографии В. Кипарского главным образом анализируется ономастический материал, зафиксированный в древних документах. В данной статье рассматриваются 4 топонима из самого древнего связанного с Курляндской юридического документа, т. е. из договора между куршским королем Ламекином и папским вице-легатом Балдуином из Ална (1230 г.). В этом договоре приводится 17 топонимов – названия земель (*terrae*) и так называемых килигунд – относительно небольших территориальных единиц. Среди этих названий есть и несомненно балтийские (или, во всяком случае, индоевропейские), напр., (в латинизированном написании) *Ardus, Durbis, Riwa, Saccze*, есть явно финно-угорские (*Normis, Kiemala*), есть и такие, о происхождении которых категорично утверждать нельзя (*Aliswangis*, ныне *Alsunga, Edualia – Ēduole, Sarnitus – Sārnate* и др.).

Пожалуй, наибольшее количество гипотез до сих пор было посвящено происхождению названия *Alsunga*, в договоре Ламекина *Aliswanges* или *Alis-*

¹ См. список сокращений.

² Анализ некоторых конкретных недостатков монографии В. Кипарского (при общей положительной оценке) см. в рецензиях Я. Эндзелина [и [Э. Блесе: Endzelīns J. [Rez.] Die Kurenfrage von V. Kiparsky. – In: Darbu izlase. III sēj. 2 d. Riga, 1980, 535–565. lpp.; Blesse E. [Rez.] V. Kiparsky. Die Kurenfrage. – Latvijas Vēstures institūta žurnāls, 1940, Nr. II, 295–308. lpp.].

wangis, в других документах *Alswangen* 1253, 1341, 1355–62, *Alswangen* 1338, *Alswangen* 1434, *Alzwangen* 1503 и др., в немецкой интерпретации *Alschwangen* /KF 204–205/. Языковеды-финно-угристы (В. Кипарский, Л. Кеттунен, И. Шегрен) склонны наиболее вероятным считать финно-угорское происхождение этого топонима (KF 205; Kett. VII). Предложенное В. Кипарским сопоставление с лив. *al'l'i* 'зеленоватый', *ol'az* 'зеленый' + лив. (в Видземе) *vanga* 'заливной луг' не лишено определенной правдоподобности. Тем не менее, все балтисты – начиная уже с А. Биленштейна – уверены в балтийском происхождении топонима *Alsunga*. А. Биленштейн в своей монографии 1892 г. (ныне незаслуженно, пожалуй, забытой) уже сопоставил *Alsunga* с дрпр. топонимом *Alexwanga*, с другими дрпр. топонимами, имеющими в своем составе элемент *vang-*, а также с лтш. апеллятивом *alksnis* 'ольха'³. Фактически эту же этимологию наиболее вероятной считал и Я. Эндзелин, впервые указавший на такую связь (с лит. диал. *aliksnis* 'ольха' и с *vanga*) в подстрочных примечаниях к статье 1912 г.⁴, а через 40 лет довольно подробно обосновавший эту этимологию в словаре топонимов Латвийской ССР /Lvv I 23/. О том, что вторую часть рассматриваемого топонима следует возвращать к балтийскому *vanga*, все балтисты, по-видимому, согласны; дискуссионным остается лишь вопрос о происхождении начального элемента. Если сопоставлять его с лтш. *alksnis* (и его соответствиями), то следует объяснить исчезновение звука –*k*–. Я. Эндзелин первоначально объяснял это исчезновение диссимиляцией⁵, а позднее в словаре топонимов реконструировал два альтернативных названия ольхи на куршском языке – **aliskā* или **alisā*, т. е., без –*k*–, ср. русск. *ольха*.

Однако наряду с такой возможностью достаточно вероятным представляется и другое предположение: начальным элементом данного топонима уже первоначально был *als-* (так полагал К. Буга⁶); написание с –*i*- (*Alis-*) в некоторых документах может быть и неauthентичным, тем более, что в других не менее древних документах чаще пишется *Als-*. В словаре топонимов Латвийской ССР приводятся 7 топонимов с корнем *als-* (*alsava*, *alsi*, *alsupīte* и др.) и 5 – с корнем *alš-* (*alši*, *alšu-valks* и др.) /Lvv I 22–23/. Любопытно, что почти все они (за исключением 1–2) локализованы либо в Курляндии (чаще), либо в Селии. Корень *als-* не имеет непосредственного соответствия в латышской апеллятивной лексике, зато такие соответствия существуют в литовской и прусской ономастике; в Пруссии это топоним (название горы) *Alsitten* и несколько антропонимов /см. Lvv I 23/, в Литве – целый ряд гидронимов и других топонимов на *Als-* /Lhež 40/. Следует отметить, что из упомя-

³ Bielenstein A. Die Grenzen des lettischen Volksstamms und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. – St. Petersburg, 1892, S. 284.

⁴ Endzelins J. Über die Nationalität und Sprache der Kuren. – In: Darbu izlase. II. R., 1974, S. 447.

⁵ Endzelins J. /Рец. о/ Die Kurenfrage .., 564. lpp.

⁶ Būga K. Lietuvių kalbos žodynas. I. – In.: Būga K. Rinktiniai raštai. V., t. 3, 1961, p. 420.

нутых литовских гидронимов 5 локализовано на западе Литвы, 5 – на востоке Литвы и в Белоруссии, и лишь 1 – в центральной части Литвы. Этот ареал в общих чертах как бы продолжает ареал латышских топонимов на *Als-*, что позволяет высказать осторожное предположение о возможной генетической связи балтийских топонимов на *Als-* с периферийными балтийскими языками. В. Н. Топоров такие балтийские топонимы сопоставляет в первую очередь с лит. *alsà*, *alsúoti*, однако указывает и на блрс. *альса*, *алёс*, *альсе*, *альсавина* 'топь, зыбкое место' и на гидроним бассейна Днепра *Ольса*⁷. Эти славянские параллели, действительно, весьма „подозрительны“, но не вполне ясен их собственный этимологический статус. Вероятно, что они сами являются балтизмами. Ю. Лаучюте упомянутые белорусские слова (а также их русские, польские и украинские соответствия) возводят к лтш. (диал.) *aluots* 'родник'⁸. Такое сопоставление хорошо согласуется с мнением Г. Краэ, который лит. гидронимы на *Als-* возводил к индоевропейскому гидронимическому корню *al-*, расширенному формантом *-s-* (так же и К. Кузавинис) /см. Lhež 40/, однако непосредственное возведение упомянутых славянских слов к лтш. *aluots* мало вероятно (хотя возможна более отдаленная генетическая связь этих слов). Что касается гипотезы Г. Краэ, то А. Ванагас в свою очередь сомневается в реальности выделенного форманта и наиболее вероятным считает сопоставление с лит. *alsà*, *alsùs*, с семантической точки зрения объясняя такую связь значением медленности течения (Lhež 40).

Такое отступление в данном случае было необходимо не для того, чтобы окончательно решить вопрос о происхождении самих этих топонимов, а только для того, чтобы показать, что начальный элемент топонима Курляндия *Alsunga* (вероятнее всего из **Als-vanga*), пожалуй, все-таки следует рассматривать вместе с другими упомянутыми топонимами на *Als-*. Что касается дальнейшей этимологии этого элемента, его семантической мотивации, то не могли глагол *alsuoti* послужить основой для названия колеблющейся, как бы „дышащей“ трясины? (*Alsunga* в таком случае можно было бы этимологически толковать как 'трясинная *vanga*'.)

В. Кипарский считает финно-угризмом и *Ēduole*, в договоре Ламекина *Edualia*, нем. *Edwahlen*, возводя его к лив. *ed'd' i* 'место спереди (чего-либо)' + *val'* 'насыпь, ограждение' (KF 209). Я. Эндзелин указывает, что данная этимология маловероятна из-за долгого ē- в латышском (куршском) топониме⁹, однако и он считает этот топоним финно-угорским по происхождению, сопоставляя его с эстонским названием села *Heedu* и апеллятивом *vald*, род. п. *valla* 'волость'; из-за нем. *Edwahlen* Я. Эндзелин полагает, что *-uo-* (в лтш. *Ēduole*) <-va- /Lvv I 281/. Однако буквосочетание *-ia-* в первой зафиксированной форме *Edualia* уже могло обозначать и дифтонг *-uo-*, и в таком случае более поздние фиксации типа *Edewalen* (1253, 1338) отражают вторичное, преобразованное в речи иноземцев произношение (а, может быть, и переос-

⁷ Топоров В. Н. Прусский язык. – М., 1975, т. 1. А–Д, с. 78–79.

⁸ Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. – Л., 1982, с. 9.

⁹ Endzelins J. /Рец. о/ Die Kurenfrage..., 563. lpp.

мысление?). Если *-uo-* является изначальным (что вполне возможно, хотя, конечно, и не бесспорно), то в топониме *Ēduole* выделяются древний балтийский суффикс *-uo-* и корень *ēd-* (ср. лтш. *ēst*, лит. *ēsti*). Семантика этого корня вполне соответствует закономерностям образования гидронимов, в качестве аналогии можно указать на балтийские гидронимы с корнем *grauz-* /*grauž-*/ см. Lvv I 315; Lhež 121/. Кроме того, в Курляндии имеется и река (приток Венты) *Ēda*; ее название уже В. Кипарский возводит к балтийскому *ēd-* (хотя следует отметить, что существует и гипотеза о финно-угорском происхождении данного гидронима¹⁰). С лит. *ēsti* 'trinti, graužti' А. Ванагас (правда, не без известного сомнения) связывает название части озера *Ēdēlē* в Игналинском р-не („matyt, *Ēdēlē* – tai išgtaužta, vandens išplauta vieta ar pan.“ /Lhež 99/). Удивительным является звуковое совпадение данного гидронима с ливским вариантом названия Эдоле – *ädel* /см. KF 209/. Конечно, такое совпадение может быть и совершенно случайным, однако данные параллели между *Ēduole* (и *Ēda*) в Курляндии и *Ēdēlē* в Литве скорее всего являются и этимологическими; в таком случае *Ēduole* можно считать топонимом балтийского происхождения.

Топоним *Sārnate* (в договоре Ламекина *Sarnitus*) до сих пор принято считать финно-угризмом, который можно сопоставить либо с финским *saarni* „ясень“ (однако, как указано уже В. Кипарским, соответствующая ливская форма *särna* имеет другой вокализм), либо с реконструированным прибалтийско-финским **sārīnai-set* „островитяне“ [KF 234]. Я. Эндзелин в рукописной части словаря топонимов Латвийской ССР (хранится в Институте языка и литературы АН Латвийской ССР) в соответствующей словарной статье пишет лишь: „слово ливского происхождения“ (однако сопровождает это замечание вопросительным знаком). Финно-угорское толкование этого топонима, безусловно, является вполне корректным; тем не менее, наряду с ним возможна и другая интерпретация данного слова, опирающаяся на балтийский и индоевропейский языковой материал. Топоним *Sārnate* имеет удивительно точное иллирийское соответствие – этноним Σάρνος (указано еще К. Каспарсоном в 1938 г.¹¹; эту и некоторые другие балкано-иллирийские параллели можно найти в работах Г. Краэ¹²). Однако независимо от того, являются ли упомянутые совпадения случайными или нет, рассматриваемый топоним можно сопоставить с лтш. *sārpī, sārni* 'грязь, нечистоты'. Значение, как видно, не самое привлекательное, но для древних гидронимов (а *Sārnate* не только ойконим, но и гидроним) достаточно типичное. В Литве наиболее близким (и в этимологическом, и в семантическом отношении) соответствием является название реки *Sárva*, а также название озера *Seřvas*, которые А. Ванагас сопостав-

¹⁰ См. Rudzīte M. Somugriskie hidronīmi Latvijas PSR teritorijā. – In: Latviešu leksikas attīstība. R., 1968, 180. lpp.

¹¹ Kasparssons K. Parallēles. – In.: Filologu Biedrības Raksti. XVIII. Riga, 1938, 55. lpp.

¹² См., напр., Krahe H. Die alten balkanillyrischen Namen. – Heidelberg, 1925, S. 34, 35, 97.

ляет с лит. *sarvalai*, которое этимологически родственно с лтш. *sār̩ni* /Lēz 291/. В Латвии имеется также ряд топонимов, этимологическая связь которых со словом *sār̩ni* сомнений не вызывает, напр. *Sārnes* – хутор в Бирзгале, *Sārni* – деревня в Звиргздене и др. Допускать балтийское происхождение топонима *Sārnate* позволяет и формант *-at-* (если он не <*-ast-*>, см. *Sārnast-valks* – ручей в Дундаге). В целом представляется, что гипотезы о финно-угорском и о балтийском происхождении рассматриваемого топонима обла-даают приблизительно одинаковой степенью вероятности.

Одним из наиболее загадочных топонимов, упомянутых в договоре 1230 г., является *Pygawas*. В настоящее время неизвестна точная локализация этой килигунды, неизвестно и соответствие в современной топонимии. Высказывалось предположение, что это ошибочная запись вместо правильного *Tugwe* (= *Tigve*), которое упоминается в документе 1253 г.¹³ Однако и в одном из документов 1461 г. упоминается топоним *Pigow*, а в 1858 г. в Дзире записаны хутор *Piegeneek* (т. е. *Pigeniek*) (см. KF 137). В Кипарский сопоставляет *Pygawas* с литовскими топонимами *Пигяны*, *Пигайне* (из публикации И. Спрогиса) и отмечает, что написание с *-awas*, *-ow* достоверно („*sicher*“) свидетельствует о наличии балтийского суффикса *-ava* (там же). Из современной литовской топонимии здесь можно привести название деревни *Pigainiai* в Рaseинском р-не (Lasž 241). У нас нет непосредственного свидетельства того, что название килигунды **Pigava* или **Pigava* функционировало и как гидроним, но это маловероятно, особенно, учитывая наличие типично гидронимического форманта *-ava*. А эвентуальный гидроним **Pigava*, пожалуй, можно сопоставить с лит. *pigùs*, *pýgis*. В семантическом отношении в пользу такого сопоставления говорит и одно из значений латинского соответствия *piger-* 'медленный', и – еще более – возможная аналогия с семантическими отношениями между лит. *lētas* 'медленный' и лтш. *lēts* 'дешевый' (на семантические параллели между *pigùs* и *lētas* указывал уже Э. Френкель /LEW 588/). Таким образом, начальным значением топонима **Pigava* (по-видимому, балтийского) могло быть 'медленная река'.

В заключение еще несколько соображений более общего порядка по поводу монографии В. Кипарского „*Die Kurenfrage*“. Конкретный анализ языкового материала в данном исследовании отличается тщательностью и продуманностью, не так уж часто находится повод не соглашаться с автором, однако общие выводы монографии (о характере и месте куршского языка), тем не менее, представляются малоубедительными. Почему же? По-видимому, причины в первую очередь связаны с критериями отбора материала для монографии. Во-первых, этот материал взят главным образом из документов, документы же эти относятся к XIII–XVI вв., т. е. к эпохе, когда древнекуршский язык, вероятно, уже перестал употребляться, а к XVI в. закончил свое существование и его наследник – новокуршский язык. Поэтому языковые факты этого времени не могут точно показать, каким был язык куршей во время

¹³ См. Bielenstein A. Die Grenzen ..., S. 209.

своего расцвета. Во-вторых, при отборе языкового материала учитывались административные границы Курсы, которые часто не совпадали с этническими границами. Поэтому часть проанализированного в монографии балтийского языкового материала генетически связана не с куршским языком, а с другими балтийскими языками.

Два только что упомянутых обстоятельства (наряду с некоторыми другими менее существенными причинами) обусловили то, что поставленный в монографии „куршский вопрос“ не получил достаточно убедительного ответа. Поиски этого ответа остаются задачей и современного поколения балтистов.

СОКРАЩЕНИЯ

блрс. — белорусский язык
дрпр. — древнепрусский язык
лив. — ливский язык
лит. — литовский язык
лтш. — латышский язык
нем. — немецкий язык.

- Kett. — Kettunen L. *Livisches wörterbuch mit grammatischer einleitung.* — Helsinki, 1938, LXXI + 648 S.
KF — Kiparsky V. *Die Kurenfrage. Suomalaisen Tiedeakatemian toimituksia.* B XLII. — Helsinki, 1939. — 474 S.
Lasž — Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas. II dalis. — V., 1976. — 398 p.
LEW — Fraenkel E. *Litauisches etymologisches Wörterbuch.* — Heidelberg — Göttingen, 1955—1965.
Lhež — Vanagas A. *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas.* — V., 1981. — 408 p.
Lvv I — Endzelīns J. *Latvijas PSR vietvārdi. I daļa, 1. sējums. A—J.* — Riga, 1956. — 426 lpp.